

Раскіна О. Ю.

Московський інформаційно-технологічний університет –
Московський архітектурно-будівельний інститут

Сорокіна О. Р.

СОШ № 3, м. Київ

«РЫСЬИ» ГЛАЗА» АЗИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. АХМАТОВОЙ И Н. ГУМИЛЕВА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Данная статья посвящена образу-символу Азии в поэтическом творчестве А. Ахматовой и Н. Гумилева. В поэзию Ахматовой магическая и древняя Азия, с «рысьими» глазами, вошла, среди прочего, благодаря пребыванию автора в эвакуации в Ташкенте. «Ташкентский» цикл А. Ахматовой обнаруживает многочисленные интертекстуальные параллели с лирикой и драматургией Н.С. Гумилева. Выяснено, что образ Азии в Ташкентском цикле Ахматовой диалогичен по отношению к поэтическому творчеству Н. С. Гумилева. Ахматова создавала свою Азию, во многом отталкиваясь от Азии гумилевской.

Ключевые слова: образ-символ Азии, мифопоэтика, интертекст, память, герой.

Постановка проблемы. В данной статье исследуется значение образа-символа Азии в «ташкентском цикле» поэзии А. Ахматовой, а также в поэтическом творчестве Н. С. Гумилева. Изучение этого образа-символа является очень важным в контексте научного анализа поэтической географии А. Ахматовой и Н. Гумилева, а также в рамках исследования мифопоэтического аспекта творчества этих авторов. Более того, изучение мифопоэтики ахматовского и гумилевского творчества представляет несомненную важность в плане достижений мировой школы мифопоэтической школы литературоведения.

Анализ последних исследований и публикаций. «Ташкентский» цикл А. Ахматовой изучался такими исследователями, как Служевская И. [9], Кихней Л.Г. [8] и другими. Поэтическая география Н.С. Гумилева, в частности, образ-символ Азии в творчестве «отца акмеизма» исследован в монографиях автора этой статьи «Поэтическая география Н.С. Гумилева» (СПб.: 2018) [10] и «Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева» (М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009) [11]. Однако, в научной литературе не представлено подробное сопоставление семантики образа-символа Азии в творчестве А. Ахматовой и Н. Гумилева.

Цели данной статьи следующие:

1) Изучить (в сопоставительном аспекте) семантику образа-символа Азии в творчестве А. Ахматовой и Н. Гумилева;

2) Рассмотреть семантику образа-символа Азии в контексте поэтической географии А. Ахматовой и Н. Гумилева;

3) Сопоставить «ташкентский цикл» А. Ахматовой с лирикой Н. Гумилева;

4) Рассмотреть культурологическую семантику образа-символа Азии в поэтическом творчестве А. Ахматовой и Н. Гумилева.

Изложение основного материала статьи. Образ Азии, царицы с глазами рыси («Это рысьи глаза твои, Азия, / Что-то высмотрели во мне...» [1, с. 217], А. Ахматова «Ташкентский цикл»), в творчестве А. Ахматовой и Н. С. Гумилева глубок и многогранен. Если в творчестве Н. С. Гумилева, в его поэтической географии, – это один из ключевых образов-символов, то в поэзии А. Ахматовой он актуализируется достаточно поздно, в «Ташкентском цикле», обнаруживающем многочисленные отсылки к поэзии Н. С. Гумилева. Прежде всего, следует уточнить, что такое «Ташкентский цикл». Это стихотворения, написанные А. Ахматовой во время пребывания в Ташкенте, в эвакуации, с 1941 по 1944 гг. О Ташкенте Ахматова писала: «*Именно в Ташкенте, я впервые узнала, что такое палящий жар, древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта*» [2] (май 1944 года).

Именно во время пребывания в Ташкенте Ахматова обращается, глубоко и всерьез, к образу

воспетой Н.С. Гумилевым Азии, воспринимая ее во многом через поэтическое творчество Николая Степановича.

Прежде всего, следует уточнить, возвращаясь к заглавию заявленного доклада, почему у Азии «рысьи» глаза. Однако, сначала следует зачитать то стихотворение из Ташкентского цикла Ахматовой, где появляется этот образ:

«Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выдразнили подспудное,
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила» [1, с. 217].

В Средневековье считалось, что рысь способна видеть через стены, преграды и обходить ловушки. «Рысьи глаза» – это символ остроты зрения, дара зрения как такового, в том числе и дара зрения, присущего художнику, тайновидцу.

Авторы средневековых бестиариев с трудом различали пантеру, гепарда, леопарда и рысь, определяя их как зверей с пятнистыми телами, обладающими чрезвычайной отвагой. В христианстве рысь – амбивалентный символ. С одной стороны, это существо из inferнального мира, с другой – символ бдительности Христа.

«В качестве атрибута Диониса, леопард приравнивается к тысячеокому Аргусу» [7, с. 289], – пишет Х.Э. Керлот. Исследователь продолжает: «Леопард, подобно тигру и пантере, выражает качества агрессивности и могущества льва без его солнечного значения» [7, с. 289].

В творчестве Н.С. Гумилева важную роль играют образы-символы животных. В частности, это образы-символы гепарда, пантеры, леопарда. Ахматова продолжает этот ряд символически осмысленным образом рыси – олицетворяющей собой особое, тайное зрение («Это рысьи глаза твои, Азия / Что-то высмотрели во мне...» [1, с. 217]). Правда, у Н.С. Гумилева леопард – символ колдовства и ворожбы. В стихотворении «Колдовством и ворожбою» («Леопард») лирический герой сетует, что не опалил убитому им леопарду усов, и тот тенью бродит у его постели («Поздно. Мыши засвистели, / Глухо крякнул домовый, / И мурлычет у постели / Леопард, убитый мной» [5, т. 2, с. 54]). В поэме «Мик» Н.С. Гумилева Луи погибает в поединке с черными пантерами

(«Отражал / Всю ночь их мальчик и устал...» [5, т. 2, с. 227]). В то же время «черные пантеры с отливом металлическим на шкуре» [5, т. 1, с. 53] сопровождают таинственную деву из стихотворения Н.С. Гумилева «Сады души».

В древнегреческой мифологии черная пантера – дионисийский символ, эти животные находятся в свите бога вина и экстаза Диониса. Опасность, предательство, гибель и колдовство символизирует в поэзии Н. С. Гумилева **Гиена** (см. одноименное стихотворение). Кроме того, гиена в одноименном стихотворении сравнивается с царицей Клеопатрой:

«В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такую же гиеной,
Она, как я, любила запах крови»
[6, т. 1, с. 133].

Пантеры связаны у Н. С. Гумилева с образом роковой, двоящейся героини, с которой связывала себя Ахматова. А эта двоящаяся героиня часто предстает у Гумилева в образе азиатской (африканской, абиссинской, йеменской, индийской) царицы, подобной древней Лилит («И ты вступала в крепость Агры / Светла, как древняя Лилит» [5, т. 1, с. 102]). Так что рысь, символизирующая в ташкентском цикле Н. С. Гумилева Азию, из того же символического ряда.

Интересно, что в процитированном выше стихотворении Ахматовой присутствует образ-символ Прапамяти, отсылающий нас к гумилевскому стихотворению «Прапамять»: «И вот вся жизнь: круженье, пенье, / Моря, пустыни, города, / Мелькающее отраженье потерянного навсегда...» [5, т. 2, с. 21]. В этом стихотворении Гумилева символ Прапамяти связан с образом Индии (Индии Духа): «Когда же вновь, от сна восставши, / Я это буду снова я – / Простой индеец, задремавший / В священный вечер у ручья» [5, т. 2, с. 21].

У Ахматовой символ Прапамяти – древняя и мудрая Азия с глазами рыси. Поэтому лирическая героиня Ташкентского цикла восклицает: «Я не была здесь лет семьсот, / Но ничего не изменилось... / Все так же льется Божья милость / С непререкаемых высот...» [1, т. 1, с. 215].

В «Ташкентском цикле» Ахматова вспоминает о персидской героине, рассказчице из «Сказок Тысяча одной ночи», которая являлась для нее олицетворением Востока. Это Шехерезада («Шехерезада / Идет из сада... / Так вот ты каков, Восток...» [1, т. 1, с. 213]), стихотворение «Ман-

галочий дворик...». Имя «Шехерезада» состоит из двух частей – «Шахр» (город) и «Азадан» (аналог дворянства во времена Сасанидов). К этой династии принадлежал Шахрияр, сын Шаханшаха.

Известен тот интерес, который Н. С. Гумилев питал к сказкам «Тысяча одной ночи» и вообще к персидской древности и средневековой персидской литературе. Поэт даже составил рукописный сборник стихотворений «Персия», вошедших впоследствии в «Огненный столп». Персия для Н. Гумилева – страна поэтов, Гафиза и Руми, Омара Хайяма. Известно, что в переписке с Ларисой Рейснер Гумилев назван Гафизом (так называла его влюбленная Лариса Михайловна). Гумилев дал своей возлюбленной условно-поэтическое имя Лери (Лера из «Гондлы», Пери из «Дитя Аллаха»).

Образ Шехерезады, магической рассказчицы, пророчицы, неоднократно появляется в стихотворениях Гумилева:

«Об озерах, о павлинах белых,
О закатно-лунных вечерах,
Вы мне говорили о несмелых
И пророческих своих мечтах.

Словно нежная Шехерезада
Завела магический рассказ,
И, казалось, ничего не надо,
Кроме этих озаренных глаз»
[5, т. 1, с. 255].

Герои сказок «Тысяча одной ночи» мелькают на страницах пьесы Гумилева «Дитя Аллаха» (например, любимый поэтом Синдбад-мореход).

У Ахматовой выходящая из волшебного сада Шехерезада – символ Востока. В этом плане ахматовское видение Востока сближается с гумилевским.

В «Ташкентском цикле» Ахматовой присутствуют образы фруктов, связанные с символикой райского сада. Например, гранат («Могильной чалмы благородные складки / И царственный карлик – гранатовый куст...» [1, т. 1, с. 214]). Дело в том, что в Коране гранат – райский фрукт. В Аль-Джаннате, прекраснейшем из садов, цветет гранат, символ изобилия и умиротворения.

Что касается «могильной чалмы», то речь идет о рельефном надгробном памятнике, изображающем чалму, который ставили на мусульманских могилах. Такие памятники Ахматова, вероятно, могла видеть в Ташкенте. Опять же, здесь возможна отсылка к Н.С. Гумилеву, к стихотворению «Паломник» («Чалма лежит, как требуют шииты» [5, т. 1, с. 72]). Благородные складки чалмы – символ глубокой и подлинной веры.

Многочисленные отсылки к поэзии Н. С. Гумилева обнаруживает еще одно стихотворение из Ташкентского цикла Ахматовой «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума». Адресат этого стихотворения, по всей видимости, поляк Юзеф Чапский, с которым Ахматова познакомилась в Ташкенте, в эвакуации, но косвенный адресат – Н.С. Гумилев. Приведем начальные строфы этого стихотворения:

“В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, -
Одни под созвездием Змея,
взглянуть друга на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! Не Варшава, не Ленинград,
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке»
[1, т. 1, с. 218].

Строка «Одни под созвездием Змея» отсылает нас к гумилевскому стихотворению «Франция»: «Вот ты кличешь: «Где сестра Россия, / Где она, любимая всегда? / Посмотри наверх, в созвездьи Змия / Загорелась новая звезда» [5, т. 2, с. 122]. Созвездие Змия (Змея) в данном случае – символ демонического начала, овладевшего душами в тоталитарную эпоху, знак морального падения и гибели.

Город, по которому проходят герои, и Ташкент, и не Ташкент. Он лишь очерчен, но не обозначен: это может быть любой из городов, символизирующих Восток: Стамбул, Багдад (город сказок «Тысяча и одной ночи»). В одном из вариантов этого стихотворения фигурирует Каир, столица Египта, особенно значимая в творчестве Н. Гумилева. Каир у Гумилева – это город, где расположен священный и благодатный сад Эзбеки, один из сакральных центров мироздания.

Однако, герой и героиня этого стихотворения мечтают и вспоминают не о Востоке, а о Севере (Западе): Варшава, Ленинград, чувствуют себя изгнанниками. В то же время их прогулка теряет

временные и пространственные границы: впереди видна рука, бьющая бубен. Звуки преобразуются в тайные знаки, ведущие героев за собой.

Выводы.

Таким образом, мы видим, что образ Азии в Ташкентском цикле Ахматовой диалогичен по отношению к поэтическому творчеству Н.С. Гумилева. Ахматова лепила (создавала) свою Азию, во

многом отталкиваясь от Азии гумилевской. Образ восточного (азиатского) танца, присутствующий в ташкентском цикле А. Ахматовой, вводит нас в сакральное пространство Азии.

Когда впоследствии А. Ахматова будет переводить восточных поэтов, ей будет помогать другой Гумилев – Лев Николаевич. Но это тема для отдельной статьи [3].

Список литературы:

1. Ахматова А. Собрание сочинений в двух томах. М.: Цитадель, 1996.
2. Анна Ахматова: «А умирать поедом в Самарканд, на родину предвечных роз...». Электронный ресурс: [<http://e-samarkand.narod.ru/Akhmatova.htm>]
3. Гумилев Н. Избранное. М.: Панорама, 1995.
4. Беляков С. Гумилев сын Гумилева. Самая полная биография Льва Гумилева. М.: Астрель, 2012.
5. Гумилев Н. Собрание сочинений в четырех томах. М.: «Терра – Terra», 1991.
6. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, СПб.: ИРЛИ, Пушкинский Дом, 1997-2008.
7. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Refl-book, 1994.
8. Кихней, Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. – М.: «Диалог МГУ», 1997.
9. Служевская И. «Так вот ты какой, Восток...». Азия в лирике Ахматовой ташкентской поры // Звезда Востока. 1982. № 5. С. 96-100.
10. Раскина Е.Ю. Поэтическая география Н. Гумилева. СПб.: Алеф-Пресс, 2018.
11. Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009.

Раскина О. Ю., Сорочкина О. Р. «РИСЯЧИ ОЧІ» АЗІЇ В ПОЕТИЧНІЙ ТВОРЧОСТІ А. АХМАТОВОЇ І М. ГУМІЛЬОВА: ІСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГІЧНІ Й МІФОПОЕТИЧНІ ПАРАЛЕЛІ

Дана стаття присвячена образу-символу Азії в поетичній творчості Анни Ахматової і Миколи Гумільова. У поезію Ахматової магічна і давня Азія, з «рисячими» очима, увійшла, серед іншого, завдяки перебуванню Анни Андріївни в евакуації в Ташкенті. «Ташкентський» цикл А. Ахматової виявляє численні інтертекстуальні паралелі з лірикою і драматургією М. С. Гумільова. З'ясовано, що образ Азії в Ташкентському циклі Ахматової є діалогічним щодо поетичної творчості М. С. Гумільова. Ахматова створювала свою Азію, багато в чому відштовхуючися від Азії цього поета.

Ключові слова: образ-символ Азії, міфопоетика, інтертекст, пам'ять, герой.

Ruskina E. Yu., Sorokina E. R. „LYNX EYES” OF ASIA IN THE POETRY OF A. AKHMATOVA AND N. GUMILYOV: HISTORICAL-CULTURAL AND MYTHOLOGICAL PARALLELS

This article is devoted to the image-symbol of Asia in the poetic works of A. Akhmatova and N. Gumilyov. Magical and ancient Asia entered Akhmatova's poetry with “lynx” eyes, among other things, thanks to Anna Andreyevna's stay in Tashkent. The “Tashkent” cycle by A. Akhmatova reveals numerous intertextual parallels with the lyrics and dramaturgy of N. Gumilyov. It is found that the image of Asia in Tashkent cycle Akhmatova dialogical in relation to poetic creativity N. Gumilyov/ Akhmatova was established its Asia, largely starting from Asia of this poet.

Key words: image-a symbol of Asia, poetics, the intertext, memory, hero.